

Окна бокового зала управы были распахнуты настежь. Сквозь резные рамы лился яркий солнечный свет, разделяя кабинет золотой полосой: по одну сторону стояли вошедшие чиновники, по другую — письменный стол.

Сквозь эту пелену света трое новоприбывших невольно уставились вперед.

За столом сидел уездный судья Цзян. Его бледное, почти болезненное лицо казалось бесстрастным, губы застыли в тонкую линию, а холодный взгляд из-под тени полей чиновничьей шапки заставил гостей попятиться. По спине у них пробежал неприятный холодок.

На душе сразу стало тяжело. Дело принимало скверный оборот.

Советник Чжан Жун обменялся с Цзян Умянем мимолетным взглядом и тут же тепло улыбнулся гостям:

— Приветствую вас, господа. Вы проделали долгий путь и наверняка устали. Прошу, присаживайтесь.

Будь Чжан Жун обычным советником, чиновники его ранга даже не удостоили бы его взглядом. Но за спиной этого человека стоял сам уездный судья.

Регистратор Ян Линь, испытывавший к происходящему глубокое отвращение, едва сдерживал досаду. Тем не менее он нацепил вежливую маску и, как требовали приличия, принялся тихонько отнекиваться.

Лишь когда Цзян Умянь сделал приглашающий жест, помощник судьи Чжоу Цюань наконец заговорил. Сам уездный судья не жаловал пустые разговоры, поэтому предоставил Чжан Жуну вести эту светскую беседу.

Советник расспрашивал гостей о жизни в префектуре Нанькан, об их привычках, местных обычаях и о том, сильно ли здешний быт отличается от устоев северных земель и Линнаня. Они обменялись любезностями, представились друг другу, и после трех чашек чая напряжение в зале наконец спало.

За исключением молодого Ван Си, новоприбывшие оказались тертыми калачами. Они искусно прятали свои истинные мысли, но Цзян Умянь слишком хорошо разбирался в людях, чтобы его можно было провести. Он сразу уловил скрытую неприязнь в прищуре регистратора Ян Линя. Помощник судьи Чжоу Цюань, напротив, враждебности не выказывал — сложно было понять, вел ли он тонкую игру или действительно был дружелюбен. И лишь Заведующий тюрьмой и архивом Ван Си, еще не успевший набраться житейского опыта, выглядел растерянным, явно не оправившись от недавнего потрясения.

«О чем только думает префект? — размышлял Цзян Умянь. — Прислал троих, из которых двое никуда не годятся. Неужели в Нанькане совсем не осталось толковых людей? Впрочем, чужая враждебность — пустяки. Даже из строптивого подчиненного можно сделать отличного работника, если правильно взяться за дело. А если не хватает ума, достаточно обычного послушания. Но вот за действиями префекта придется следить очень внимательно».

С этими мыслями Цзян Умянь опустил пиалу, которую долго вертел в руках. Фарфор сухо стукнул о деревянную столешницу.

Чжан Жун тут же умолк и выжидающе посмотрел на уездного судью.

Чиновники мгновенно подобрались.

«Ну вот, сейчас начнется взбучка!» — одновременно подумали они.

— Смута в уезде Шаоюань едва утихла, — неторопливо произнес Цзян Умянь. — Дел невпроворот, а долг истинного чиновника — заботиться о народе без сна и отдыха. Поэтому я надеюсь, что после короткой передышки вы немедленно приступите к своим обязанностям в управе.

Услышав о распределении полномочий, они просто не могли не заглотнуть эту наживку.

— Разделять заботы вашего превосходительства — наш первейший долг! — в один голос отозвались трое.

Главное — их не собирались мариновать без дела, лишая влияния на дела уезда!

Для любого чиновника нет ничего страшнее, чем оказаться в немилости у начальства, когда тебя попросту игнорируют, не давая никакой работы. Какими бы талантами ты ни обладал, без возможности проявить себя ты останешься никем.

В префектуре они насмотрелись на подобных бедолаг, впустую растрачивающих лучшие годы. И если бы в уезде Шаоюань не освободились эти должности, их самих рано или поздно постигла бы та же участь.

«Красиво поют, — мысленно усмехнулся Цзян Умянь. — И неважно, искренне это или нет. Посмотрим, останется ли у вас этот пыл, когда я оглашу ваши задачи».

Он одобрительно кивнул:

— Рад это слышать. Нам действительно нужно срочно решить несколько неотложных вопросов. Когда я только прибыл сюда, в управе практически не было людей, а время поджимало.

Поэтому списки населения мы составили по упрощенной форме, как нам было удобнее. Теперь же регистратору Ян Линю предстоит переписать все эти сведения заново, строго по форме Министерства налогов. Поскольку писарей у нас сейчас не хватает, вам придется заняться этим лично.

«Переписать заново? Самому?!» — опешил Ян Линь.

Он, регистратор уезда, ведающий всей важной документацией, должен снизойти до черной работы простого писаря?!

В душе Ян Линя закипала ярость, но, натолкнувшись на холодное, непроницаемое лицо уездного судьи, он лишь покорно склонился в поклоне:

— Господин судья, в Шаоюане несколько тысяч дворов. Боюсь, если ваш покорный слуга заберет эту работу себе, дело продвинется нескоро, что может помешать вашим великим планам.

Открыто отказать начальству он не мог, поэтому решил прибегнуть к мягкому саботажу.

«Захотел власти, но не желаешь трудиться? — подумал Цзян Умянь. — Красиво задумано, только бездельников в моей управе не будет».

Цзян Умянь в упор посмотрел на регистратора своими темными, как ночь, глазами и тихо произнес:

— Вы излишне скромны, регистратор Ян. Советник Линь вместе с одним-единственным стражником за пару бессонных ночей сумел переписать половину населения уезда. Я не требую от вас невозможного, просто покажите все, на что способны.

«Советник с простым стражником сутками колесили по уезду и смогли все систематизировать. Неужели целый регистратор не справится с обычным переписыванием бумаг? — размышлял Цзян Умянь. — А если ты даже на это не способен, зачем ты мне вообще нужен? Из тебя даже удобрение для опытных полей выйдет скверное».

Ян Линю нечего было возразить.

— Да, господин судья, — с трудом выдавил он сквозь зубы. — Я сделаю все, что в моих силах.

Теперь ему точно будет не до того, чтобы плести интриги и подговаривать уездного судью прогнать беженцев. В ближайшие недели Ян Линю придется буквально заночевать в управе за ворохом бумаг. На душе у него скребли кошки, но выбора не оставалось.

Он был готов поклясться чем угодно: посмей он сейчас сослаться на внезапную болезнь, этот юнец-судья тут же отправит его на «заслуженный покой», окончательно лишив всех остатков реальной власти. Тем более что Цзян Умянь и так уже прибрал к рукам половину его полномочий.

— Помощник судьи Чжоу.

Голос Цзян Умяня звучал ровно, но Чжоу Цюань все равно вздрогнул. Он тут же принял максимально внимательный вид, ловя каждое слово начальника. Цзян Умянь пока не разгадал этого человека и решил прощупать почву:

— Приближается праздник Пяти Двойников. Шаоюань еще не оправился от мятежа, и былого величия пока не вернуть, но бдительность терять нельзя. Поручаю вам распределить силы стражи и обеспечить идеальный порядок на улицах. До меня дошли слухи, что в уезде повадились орудовать похитители людей. Будьте предельно осторожны и пресекайте любые беспорядки.

«Дело о работоторговцах тянется из соседнего уезда Пинцин. Жаль, я не могу просто ворваться в их управу и натянуть мешок на голову местному судье, — рассуждал Цзян Умянь. — Придется действовать тоньше. Перекроем им кислород здесь, а когда поймаем мерзавцев с поличным и соберем доказательства, я сразу доложу генералу Сюэ Вэню. Пусть его карательный отряд прижмет их к ногтю. Даже если не удастся сместить уездного судью Пинцина с должности, эту преступную лавочку мы прикроем раз и навсегда».

— Будет исполнено! — твердо ответил Чжоу Цюань.

Он даже не взглянул на стоявшего рядом Ян Линя, который буквально застыл от изумления, и без малейших колебаний принял приказ главы уезда. Цзян Умянь внимательно наблюдал за обоими чиновниками и сразу заметил, как в глазах регистратора вспыхнула бешеная зависть.

«Завидуешь? И отлично, — подумал Цзян Умянь. — Вместо того чтобы объединяться против меня, пусть лучше грызутся друг с другом. В итоге обоим все равно придется трудиться на мое благо. А если кто-то из них сплешает, у меня появится прекрасный повод для расправы. И неважно, подослал ли их префект для вредительства или они сами решат вставлять мне палки в колеса — убрать их с дороги я смогу абсолютно законно».

— Советник Чжан, покажите господам управу, — распорядился Цзян Умянь, мельком взглянув на Чжан Жуна. — А Заведующего тюрьмой и архивом Ван Си я попрошу задержаться.

Когда дверь за чиновниками закрылась, Ван Си почувствовал себя крайне неудобно. Хотя они с уездным судьей были почти ровесниками, Цзян Умянь обладал непререкаемым авторитетом хозяина положения. Его холодный, пронизывающий взгляд буквально пригвоздил юношу к месту, заставляя нервно переминаться с ноги на ногу.

К тому же Ван Си прекрасно понимал шаткость своего положения. Хоть его и назначил сам префект, на этой должности он не пробыл еще и дня. И если его опытные коллеги, пусть и просидевшие годы без дела, обладали настоящими знаниями, то сам он о работе в тюрьме слышал лишь из рассказов отца. На практике он не умел ровным счетом ничего и не представлял, как руководить стражниками.

По дороге в управу из разговоров спутников он узнал еще одну пугающую деталь: в застенках сейчас томятся представители четырех богатейших семейств Шаоюаня. И что ему, неопытному юнцу, со всем этим делать?

Зачем уездный судья оставил его наедине?

Ван Си терялся в догадках. Юноша совершенно не умел скрывать эмоции — все его страхи и сомнения были написаны на лице крупными буквами. Глядя на это, Цзян Умянь мысленно вздохнул.

Присланный префектом Заведующий тюрьмой и архивом выглядел совсем мальчишкой лет двадцати, едва перешагнувшим порог совершеннолетия. Однако его огрубевшие, покрытые цыпками ладони и то, как неуклюже он держал чашку с чаем, выдавали в нем выходца из простой крестьянской семьи. Обычно в деревнях парни уже к пятнадцати годам всю гнут спину на полях, а к сказочным двадцати обзаводятся семьями и становятся не по годам серьезными. Но этот Ван Си больше напоминал наивного выпускника академии, который только вчера покинул стены родного дома. От него так и веяло простодушием — идеальная мишень для любого проходимца.

— Господин судья, вы... у вас есть для меня поручения? — робко спросил он, не зная, куда деть руки.

— Нам нужно обсудить порядок содержания заключенных в подземной тюрьме, — Цзян Умянь потянулся за чистым листом бумаги, но вдруг помедлил и ровным тоном спросил: — Читать и писать умеешь?

Ван Си от неожиданности растерялся, но поспешно закивал:

— Да, ваш покорный слуга... я немного учился у отца по «Тысячесловию», так что грамоте обучен.

Цзян Умянь мысленно облегченно вздохнул. По крайней мере, этот парень не был круглым невеждой.

— Хорошо. Слушай внимательно, я объясню все один раз. Если возникнут вопросы, обратиться к старшему судебному приставу Ли Е. Позже стража проводит тебя к нему.

Инструктаж затянулся до самого вечера — дел в тюремном ведомстве накопилось слишком много. Время пролетело незаметно. Тем временем в другой части управы регистратор Ян Линь, разыскавший Чжоу Цюаня, буквально сгорал от нетерпения и злости.

— Каков наглец! Решил показать нам, кто здесь хозяин! — прошипел Ян Линь, злобно зыркнув по сторонам.

Впрочем, говорил он не в полный голос: вся верхушка управы, от уездного судьи до Заведующего тюрьмой и архивом, жила в комнатах примыкающего к яменю заднего двора, и любая неосторожная фраза могла быть услышана за стеной.

— Совсем еще зеленый, а хватка какая!

Формально на регистраторе лежало множество обязанностей, но обычно рутину вроде переписывания списков населения перекладывали на мелких писцов. Сам же чиновник занимался проверкой налоговых поступлений и амбарных книг, где всегда можно было пожить за казенный счет. Однако сегодня днем, когда советник Чжан привел их в налоговую палату, все финансовые реестры оказались в руках угрюмого Цзян Цю, лицо которого напоминало маску покойника. Ян Линю же достались лишь пыльные горы списков беженцев. Глядя на эти бумажные холмы на своем столе, он чувствовал, как у него перехватывает дыхание от злости.

Чжоу Цюань долго молчал, взвешивая каждое слово, а затем тихо произнес:

— Каковы бы ни были намерения нашего уездного судьи, мы обязаны безупречно выполнить его приказы. Иначе мы сами вложим ему в руки оружие... — И он замолчал, давая понять, что малейшая ошибка станет для Цзян Умяня идеальным поводом избавиться от них.

От этих слов Ян Линь пришел в еще большее неистовство. Сперва его уязвила сама необходимость возиться со списками простолюдинов, но когда он узнал, что Чжоу Цюаню поручили руководство стражей и охрану порядка в уезде, его охватила глухая обида. Он прекрасно понимал, что уездный судья умышленно разделяет их, не давая сговориться, но совладать с завистью все равно не мог.

«Мы прибыли сюда вместе, но меня заставили гнуть спину над чернильницей, а тебе выразили высочайшее доверие и дали реальную власть?!» — мысленно негодовал регистратор.

Однако ссориться с помощником судьи сейчас было не время — тот все еще мог пригодиться. Ян Линь подавил гнев и попытался перевести разговор в конструктивное русло.

— Брат Чжоу, а что думаешь насчет этого мальчишки, Ван Си? Зачем судья оставил его один на один?

Ян Линь мнил себя умудренным опытом мужем — шутка ли, столько лет прослужить под началом префекта префектуры Нанькан! И пусть его обходили чинами, по сравнению с этим безбородым юнцом Цзян Умянем он считал себя настоящим знатоком государственного управления. Да этот мальчишка должен был кланяться ему в ноги и называть старшим наставником! А вместо этого их даже не пригласили на приветственный обед, завалили грязной работой, а помощника судьи и Заведующего тюрьмой и архивом демонстративно приблизили к государственным делам. Любой на его месте потерял бы самообладание!

Чжоу Цюань лишь мысленно покачал головой. Регистратор Ян оказался слишком глуп и вспыльчив — уездному судье хватило одного пустякового приема, чтобы посеять между ними раздор. С таким ненадежным союзником каши не сваришь, в будущем от него нужно держаться подальше.

— Должно быть, господин судья решил наставить юношу на верный путь, раз уж тот совсем неопытен, — небрежно отозвался он.

Пока его новые подчиненные строили козни и делились подозрениями, Цзян Умянь даже не вспоминал о них. До праздника Пяти Двойников оставалось всего пара дней, его расписание было забито до предела, и тратить драгоценное время на разборки провинциальных карьеристов он не собирался.

Впрочем, в эти дни покоя не знал никто в управе — работа кипела с утра до поздней ночи.

Нанятая строительная артель наконец завершила очистку уцелевших закомов, и на повестку дня встал вопрос об их восстановлении. Советнику Чжао Чэну пришлось отложить составление карт и чертежей новых зданий: сейчас было важнее поскорее отстроить хотя бы часть хранилищ, чтобы перевезти туда зерно для помощи пострадавшим от голода. Чжан Жун без устали разъяснял прибывающим беженцам правила поведения в лагере и лично проверял каждого подозрительного чужака, дабы не допустить повторения недавнего бунта. Советник Цзян Цю трудился так неистово, что от его счетов, казалось, вот-вот возникнут искры — все чиновники старались обходить его кабинет стороной, боясь попасться под горячую руку и стать бесплатной рабочей силой. На плечи этого человека легли все расходы по снабжению строителей и закупкам для нужд уезда.

Стражников разделили на несколько отрядов: одни несли караул в управе, другие сопровождали советника Линя в поездках по Области Цзяннань, третьи охраняли опытные посевы, а четвертые повсюду следовали за уездным судьей, патрулируя самые отдаленные уголки Шаоюаня.

Проработав всего день, новоприбывшие чиновники с изумлением обнаружили, что в огромном здании управы постоянно дежурят от силы три-четыре стражника! Попытаться встретиться с Цзян Умянем, чтобы прояснить рабочие детали, было практически невозможно — его вечно не оказывалось на месте.

Сам уездный судья, убедившись, что все городские работы идут строго по плану, заперся в

кабинете и набросал короткое послание, которое велел советнику Чжан Жуну немедленно доставить генералу Сюэ Вэню.

Военный лагерь под Шаоюанем

За пределами города, в расположении карательного отряда, генерал Сюэ Вэнь только что вышел из походной душевой. Стояла невыносимая духота: даже частые летние ливни не приносили долгожданной прохлады, и военный сейчас отдал бы половину своего жалованья за чашу со льдом.

Он еще не успел вытереть мокрые волосы, как адъютант доложил, что у входа в шатер ждет советник Чжан Жун с личным письмом от уездного судьи Цзян Умяня.

— Впусти его, — бросил Сюэ Вэнь.

Зачем Цзян Умяню понадобилось писать бумагу? Чжан Жун постоянно крутится на строительной площадке неподалеку от лагеря — мог бы просто передать слова устно. К чему эти церемонии?

Чжан Жун с поклоном протянул запечатанный конверт и негромко произнес:

— Наш господин уездный судья сказал, что ваше превосходительство сразу все поймет, как только прочтет это.

Заинтригованный генерал сорвал печать и развернул лист. Четкий, летящий почерк автора неуловимо напоминал манеру письма главнокомандующего Бай Чуханя. Строки гласили:

«Есть возможность начать разработку диких земель. Месторождение богато медью. Если заинтересованы — обсудим детали после праздника Пяти Двойников».

Сюэ Вэнь мгновенно подобрался, от его былой расслабленности не осталось и следа. Медное месторождение? Здесь, на всеми забытом юге?! Заинтересован ли он? Да еще как! Пусть казна исправно платила жалование его солдатам, а личные сундуки ломились от конфискованного у мятежников добра, но от возможности прибрать к рукам целый медный рудник не отказался бы ни один здравомыслящий полководец в Поднебесной!